

Женский труд в лагерях

Женщины в сталинских лагерях выполняли ту же работу, что и мужчины - в шахтах, на лесоповале, на строительстве... Но для женщин, у которых лагерь отнял семью и молодость, эта работа была не просто тяжелой, она сопровождалась унижениями и насилием.

***Елена Маркова** родилась в 1923 г. в Киеве. Родители репрессированы, отец расстрелян в 1937 году. В 1941-1943 годах находилась на оккупированной территории в Донецкой области. После освобождения области советской армией была арестована органами НКВД и приговорена к 15 годам каторжных лагерей. 10 лет была заключенной Воркутлага. Реабилитирована. Доктор технических наук. Живет в Москве.*

Вопрос «мужчина-женщина», он был очень для нас мучителен. И молодые девушки сразу попадали в какие-то условия, когда, значит, определённые требования, там, начальство-мужчины предъявляли. Если ты отказывался, тебя спускали в шахту. Вот меня так очень быстро спускали в шахту.

И там вот, под землёй я работала на новой для меня работе, на вагонетках. То есть лошадей тогда не было под землёй. Но в эти годы, о которых я говорю. Потом лошади появились. И каторжанки вместо лошадей вот эти толкали вагонетки угля по штреку. И я среди них.

Либо это строительство железной дороги. Тоже ужасная, между прочим, работа.

Казалось бы, не в шахте, значит уже благо. Но как это выглядело? Мы строили железную дорогу, которая от зоны всё время удалялась. Значит, мы дольше, и дольше, и дольше шли на место работы. И в конечном итоге мы десять километров шли до рабочего места, работали там десять часов на открытом воздухе, строя железную дорогу, а потом десять километров мы шли обратно. Вот это не шахта, а поверхность, железная дорога. Но мы так уставали, что в первые моменты, вот это я тоже помню, как сейчас, очень хорошо. Мы приходили после этого, десять километров туда, десять километров обратно, в одежде тяжелой, с лопатами, несли на себе, мы падали замертво, не раздеваясь, на нары. Замертво. Вот первые дни мы даже не ходили ужинать или, там, обедать. Нам же в конце ужин и обед давали вместе. Мы не в силах были пойти в столовую.

Иоанна Мурейкене (Улинаускайте) родилась в 1928 году в Каунасе. В 1944 году, после возвращения советской армии, Иоанна поддержала антисоветское сопротивление, была арестована и приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, которые отбывала в Коми, Тайшете и Норильске до 1956 г Принимала активное участие в Норильском лагерном восстании. Врач-педиатр. Живет в Вильнюсе.

В общем, работали мы на очень, очень тяжелой работе. Водили нас торф копать. Зима, надо снег откопать, и тогда торф не замерзает, торф не замерзает. Он/, сначала слой замёрзший, а потом он тёплый. Он не замерзает. Зачем его копали, никто не знает. Ну, просто, наверное, чтоб копать, чтоб работали мы. И мы, знаете, торф этот мокрый, мы копаем этот торф, валенки мокрые, мокрые, целый день мы стоим в болоте этом. Потом идём домой, валенки замерзают, так невозможно просто, нельзя и рассказать, как там было. Приходишь, сушить негде, утром как около этой печке, около бочки надо посушить и одежду и всё.

Так там мы работали, лес пилили, валили лес. Надо было очень большая норма, надо шесть высоких сосен свалить ручной пилой, не механической, ручной. Джи-ру-джи-ру.. Так, знаете, работали, и потом повалишь их, так надо потом сучки обрубать, так надо было порезать на три куска по шесть с половиной метров, на три куска. Шесть таких сосен, такая норма была. Ну, очень было тяжело работать.

Вера Юльевна Худякова (Геккер) родилась в Потсдаме в 1922 г. В этом же году семья переехала в Советскую Россию. В 1938 году расстрелян отец, арестована мать. Сестер Марселлу, Алису и Веру, студентку музыкального училища, арестовали в сентябре 1942 г. и осудили на 5 лет. Вера отбывала в лагерях в Киргизии, Узбекистане, в Сибири и в Казахстане. Преподаватель музыки. Живет в Московской области.

Нормы, конечно, были. Но та работа, которую я делала, она не может иметь никакого отношения к норме, потому что это не норма, это вообще было. Ну, сколько может сделать, скажем, больная женщина, или старушка, или кто? И мы без нормы. Просто каждый копался, как можно. Делали очень мало, очень мало делали.

Анна Матлюк (Пеца) родилась в 1927 г. в селе Тишковцы Городенковского района Stanisлавской области. В 1944 г — арестована по обвинению в участии в украинской повстанческой организации и приговорена к 10 годам ИТЛ. Отбывала на строительстве 501-ой стройки, после закрытия переведена в Особлаг (район Иркутска) на общие строительные работы. Реабилитирована. Работала нянечкой в детских яслях. Живет в г. Печора республика Коми.

И когда я ехала до первой 501 стройки, то нас везли. Но, там было 50-60 градусов мороза. Что-то было сильно холодно. И так мы ходили. Каждый день проверка, все ли мы. Приехали то живые еще. Так вот так

только видно было, во низ, а уже лица не видно было. Такие морозы и сильный такой иней.

Представьте, вот женщины носили рельсы, рельсы носили, мы ложили дорогу. Железную дорогу туда. Приезжала. Дорога, проложена немножко. Уже приезжали вертушки с песком, гравием. Было так, что мы 2 дня выгружали эти вертушки на одно и тоже место. Все оно уходило где-то. Вот. Как в реку. Ну, а там только, как бы ручеек. А рельсы мы носили. Я вот это запомнила по 19 девушек. 19 женщин брали. Правда, у нас был мужчина, как прораб. Не. Или мастер. А мастер был. Он же дорогу. У него же эта такая палка. Мерил все. Мы шпалы ложили, шпалы протромбовывали. Все. Вот так, что я знаю, какая/какая рельса легкая.

Елена-Лидия Посник (Козьмина) родилась в 1924 г. В 1945 году репрессирована и приговорена к 15 лет каторжных работ. Отбывала срок в Архангельской области, Красноярском крае, и на Колыме. Реабилитирована. Работала учительницей немецкого языка. Живет в Московской области.

А потом, вот, на общие работы. А это что такое? Называлось там касситерит. А теперь его называют, по-моему, уранит. Это чёрный камень, очень чёрный. Вот, как гранит, представляете? Так вот крапины все этим чёрным. Это всё излучает. Это всё излучение идёт. Вот. Вот такой мешочек, это пятьдесят килограмм. Потом мне приходилось с этим иметь дело. Ну, конечно, на общие. Куда? Дают такой вот ящик, вот такой. Вот такой размером. Значит, там, внизу взорвали. Этот песок кладут туда. На плечи, несёшь, там открывают, высыпается. И высыпается, летит там куда-то. На второй горизонт. И таких горизонтов пять. Значит, там собирается, ещё ниже. А ещё там ниже, там идут подводные всякие эти самые. И увозят дальше на обогащение всё это. Короче говоря, а пока идёшь на эту самую, куда высыпать, сколько срывалось, и сколько там разбилось. Камни. Вот такие глыбы. И мне было не страшно. Упаду, ну, и ладно. Думаю, а мама как переживёт? Мне маму было жалко только.

Сусанна Печуро родилась в Москве в 1933 году. – арестована в 1951 году в возрасте 17-ти лет, приговорена к 25-летнему сроку ИТЛ, отбывала в лагерях Инты, Абези и тюремное заключение во Владимирском центре до 1956 года. Реабилитирована. Историк-архивист. Живет в Москве.

Это была земляная работа. То есть мы должны были--- этой самой--- киркой разбивать мерзлоту, накладывать на носилки и нести за 300 метров. Там всё это складывать, утрамбовывать. Когда это всё там замерзало, мы должны были делать всё там и нести сюда обратно. И как говорил наш начальник: «Мне не нужна ваша работа, мне нужны ваши мученья».

Вера Юльевна Худякова

Километров 50 от Фрунзе, назывался Беловодск. Там строился сахарный завод. Были поля с сахарной свёклой, и строился завод.

И мы копали, и на тачках возили землю. Возили землю, дамбу какую-то там строили, что-то непонятное. Во всяком случае, где-то мы сбрасывали эту землю, потом обратно. Ну, это такие были доски, настилы, и вот по ним надо было эти тачки возить, наполнять и возить. Мне это очень нравилось, потому что это на воздухе, и я босиком. И мне нравилась какая-то работа. Ну, сколько, я же год просидела в тюрьме, ничего не делая. Конечно, мне нравилось. Но условия были совершенно жуткие.

Иоанна Мурейкене

Земляные работы. Мы кирковали все под Норильском эти канализации, все эти устройства. Женскими руками выкопано, кирками выдолблено по кусочку, по кусочку, по кусочку. И часто ночью мы работали и зимой и летом. Но, когда ещё в траншеях, так мы все вместе там работаем, друг друга видишь. Но в Норильске все дома построены на сваях таких, такие бетонные сваи. И надо их, сваи эти опускаются в девять метров глубины. Так надо выдолбить в мерзлоте, в вечной мерзлоте эти девять метров вглубь. Так, как приводит нас, расставит, каждой отмерит по этой/. Так пока ты вверху, ты видишь другого, так ещё поговоришь и всё. Ну, когда уже вкопаешься вглубь, и когда уже вкопаешься шесть метров, ты один с собой. И тогда так бывало, знаете, страшно просто. И.О. Как в могиле.

И.М. Как в могиле. Иной раз думаешь, наверное, тут и останешься. Ведром вытаскивают эту глину, эту землю, опять тебе опускают ведро, и ты опять накиркуешь, и опять сбросишь, опять вытаскивают. Но, вот так мы работали, пока не выкопаешь девять метров. Ночью, всё ночью, чаще всего ночью мы работали. Когда там работали на этой работе, так очень мало было кушать, мы голодные были.

Елена-Лидия Посник

Но в апреле нас всё-таки погнали на работу. Куда? Валить лес. На лесоповал. Какой там лес? Ну, самая большая ёлка, это, наверное, вот, под потолок. Но снег по пояс. Значит, нас ведут километров пять в темноте. Выводят, ведут туда. Всех поголовно. Меня в том числе. Никаких тут других нет. Приводят туда. Значит, нужно два кубометра напилить, на санки пригрузить, и привезти вниз. А пилить нужно вверху. Меня никто не берёт. Во-первых, я не могу ни пилу выбрать, ни пилить не могу. Подходит ко мне одна украинка и говорит: «Я верующая, и я должна помогать людям. Давай, я буду с тобой пилить». И вот мы с этой девочкой, девочка, она не старше меня, мы с ней, значит, санки, ну, такие вот длинной. Значит, пилишь просто два метра длинной уже, распиливаешь. А чтобы перейти от одного дерева к другому, вот, кладёшь пилу и ползком. За пилу держишься, потому что иначе утонешь.

Вера Юльевна Худякова

И там мы ходили на работу в поле. Мы целый день туда шли, и конечно, это было ужасно, потому что не все могли ходить, как я умела. Я и сейчас хожу

хорошо. А уж молодая-то, хоть и слабая, но всё-таки ходила. А некоторые просто не могли ходить, и конечно, это было ужасно, когда они падали.

Ну, сколько там, может, человек двадцать или там, не знаю, но немного. И по четыре человека шли. Но, когда кто-то падал, и не мог идти, вот тут начиналось, конечно, что конвой с ума сходил, и грозился и стрелять, и всё. Ужас!

Иоанна Мурейкене

Работы всякие были. Водили нас в Сивомаскинский выгружать вагоны. Это тяжёлая была работа. Если привозили доски, так доски надо было выгружать, если уголь, плохо очень, уголь. Привозили вагон угля, и надо лопатами его выгружать около железной дороги. Так приходим страшные, чёрные, пыль. Очень плохо, когда привозили цемент. В мешках цемент, а они/, а этот цемент, рвутся эти мешки, он пылится, и тогда всё равно надо из вагона выгребать этот цемент. Так мы просто надышались этого цементом, глаза краснели, полные цемента волосы, всё, ну, просто очень было тяжело. Мне, как положат мешок на плечи, так я и упаду под мешком этим. Все смеются: «Давай, давай! Привыкнешь». И, действительно, помаленьку, помаленьку, бывало, сначала падала, потом, согнувшись, ходила. А потом выровнялась и шла с мешком, как, знаете [смеется]...

Очень тяжело было работать на кирпичном заводе. Был кирпичный завод, который делал кирпичи. Не привозили, они сами делали, и весь Норильск строился из этих кирпичей. И много очень мужчин работали на кирпичном заводе. И нас, женщин, послали работать на печах. Ой, там уже, если есть пекло, то мы побывали уже. Я всегда говорила: «Мы уже все свои грехи, наверное, откупили уже там». Потому что печи такие, которые топят снизу.

Но, такая жара! Такая жара! Чтобы глина таяла, должна быть очень большая жара. Такая жара, что мы не можем уже, млеем. И эти лопаты наши с глиной этой не можем поднять уже. Двенадцать часов работали. Наш рабочий день было двенадцать часов. Так, двенадцать часов отработать на такой работе. Бывало, как привозят эту замёрзшую глину, мы такие вспотевшие, такие уже усталые, так мы ложимся на эту замёрзшую глину, чтобы немножко/.

Жажда невозможная. Пить, ну, хочется! И, кажется, ну, ещё минута, ещё две и упадёшь. И всё. Но всё равно, как-то отработаешь, и идём домой. Но там придёшь, кажется, только заснул, только, и опять подъём, и опять идти, и опять.

Сусанна Печуро

И вот после/, с этой работы ведут домой. Значит, я в этот день себе, значит, шмякнула киркой по ноге. А это 12-тичасовая работа. Сесть нельзя. Некуда. Отойти, извиняюсь за выражение, по делам тоже некуда. Вообще ватные брюки. Еды никакой. Кроме того замершего хлеба, который у тебя за пазухой. И это хорошо, что он замерз. Потому что его можно сосать. А то сразу съешь.

Елена Маркова

Так. Значит, лагерь матери и ребёнка. Значит, в ИТЛ, это ещё до нашего прибытия, с тридцать седьмого года были официальные лагеря матери и

ребёнка, где находились заключённые. Это ещё до каторжан. И разные истории, когда троцкисты туда попали, вот, и среди моих знакомых были такие люди, которые приобретали ребёнка, либо в тюрьме они беременные попадали, либо в лагере, и они отправлялись в официально существующие с тридцатых годов на севере Коми лагеря матери и ребёнка. И там находились до тех пор с детьми, пока детей от них не отнимали и не отсылали в детдом.

Но, ребёнка каторжанина не отправили в ИТЛ, где есть лагеря матери и ребёнка.

В мужской зоне каторжан выделили отдельный барак. И туда вот собрали вот этих нарождающихся детей. Их вначале было десять, потом шестнадцать, а потом их было и сто, и больше. Но, почему я вот эту проблему знаю очень хорошо, потому что меня направили туда работать воспитательницей. Сначала как медсестрой, а потом стало ясно, что дети, которым предстоит детдом, не говорят по-русски. Потому что у нас же контингент был из оккупированной территории. Кто это? Прежде всего, львиная доля из Украины. Западная Украина по-русски не говорила. Теперь, Прибалтика. Они немки были, польки были. Это все из оккупированной части. Каждая мама с ребёнком начинала говорить на своём родном языке. Дети росли, им предстоит детдом, а они по-русски не говорят.

И решили, что, если она такая девочка-каторжанка попалась, которая всё время хочет учиться, так она и детей, может, чему-то научит. И, действительно, я, начала обучать вот этих детей. Это такая дорогая моему сердцу лагерная эпопея.

До трёх- четырёхлетнего возраста дети находились вместе с мамами в каторжном лагере и были моими воспитанниками. Мы столько сроднились и они меня вот, как воспитательницу, все мамы на меня молились. Потому что они видели, что я им, они рисовали и они, там, с картинками играли, они делали представления, выступали в концертах.

В общем, мы там гигантскую работу проводили, чтобы им создавать условия некаторжные, некаторжные условия.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Операторы:

Виктор Гриberman (Рига)

Андрей Костянов (Москва)

Андрей Купавский (Москва)

Иван Купцов (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2012